

УДК 028:82:001.8
ББК 78.07+83.0+87.256.6

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК МЕТОД НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

© М. Я. Серебряная, 2015

Настоящая статья выполнена в рамках исследования проблемы типологии чтения и читателей в связи с характеристикой одного из типов чтения, который назван креативным. При креативном чтении (в отличие от других типов) художественная литература может быть использована в научно-исследовательской работе. Доказывается, что использование художественной литературы является для креативного читателя научным методом, которым многие ученые, в частности, психологи, успешно пользуются.

Ключевые слова: художественная литература, художественный текст, поэтические произведения, психологическая задача, научный метод, основные требования к научному методу, Л. С. Выготский, Б. М. Теплов, В. П. Зинченко.

The article is carried out in the frameworks of studying the problem of reading and readers typology related to the characteristics of a type of reading called a creative one. Under creative reading (as opposed to other types) fiction can be used in research activity. It is proved that the use of fiction is a scientific method for creative readers, and many scientists, including psychologists, successfully use it.

Keywords: fiction, literary text, poetry, psychological task, scientific method, basic requirements for scientific method, L. S. Vygotsky, B. M. Teplov, V. P. Zinchenko.

И поэт чему-то учит...

Вячеслав Иванов

Философскими, литературоведческими, читателеведческими, библиографоведческими, культурологическими и другими исследованиями давно описана роль художественной литературы в жизни общества, способная менять общественно-исторические формации и идеологию социума и отдельных его представителей, влиять на духовность читателей, оказывать рекреационное, воспитательное и педагогическое воздействие. Однако еще нигде не раскрыто научно-исследовательское значение художественной литературы.

В работах ученых обнаруживаются многочисленные цитаты, реминисценции из художественных произведений, ссылки на них. С помощью художественных текстов решаются, например, психологические задачи в научных исследованиях многих ученых-психологов – С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, К. А. Абульхановой-Славской, Т. Н. Березиной, А. Н. Леонтьева, В. М. Аллахвердова, В. П. Зинченко и др. Поэтому уже сейчас можно говорить о методе, суть которого состоит в использовании художественных текстов. Обоснование этого метода как научного может дополнить характеристику креативного читателя, в общем описанного в читателеведческой литературе.

Задача настоящей статьи – обоснование использования художественной литературы в качестве одного из методов научно-исследовательского труда. Базой исследования стали научные труды ученых-психологов. Выбор этой области знаний объясняется обилием художественных текстов в научных работах психологов; высокой оценкой учеными художественных текстов в качестве источников своего труда; признанием психологизма художественной литературы литературными критиками – В. Г. Белинским, Н. А. Добролюбовым и др., теоретиками литературы – В. Е. Хализевым, писателями – К. Паустовским, Дм. Быковым, З. Прилепиным и др.

Значение художественной литературы для психологии

Немецкий философ Вильгельм Дильтей в книге, впервые изданной в 1894 г., писал, что в произведениях писателей и поэтов содержится «могучая по содержанию действительность душевной жизни», что в них заключена «мудрость поэтов, говорящая нам о людях и о жизни лишь образами и голосами судьбы»; что «в произведениях поэтов и писателей заключается больше, нежели в нынешних учениях,

о душе», что «в способе, каким подходят великие писатели и поэты к жизни человеческой, находится обильная пища и задача для психологии» и «со всех сторон приходится слышать, что в Лире, Гамлете и Макбете скрыто больше психологии, нежели во всех учебниках психологии вместе взятых», что «могучая действительность жизни, какую великие писатели и поэты стремились и стремятся ее постичь, выходит далеко за пределы нашей школьной психологии» [3, с. 29].

Русский ученый, философ С. Л. Франк через 30 лет, в 1924 г., как и В. Дильтей, подчеркивает психологическое значение художественных произведений: «Для того чтобы в настоящее время уяснить себе человеческую жизнь, свою и чужую, нужно изучать произведения искусства... Достоевский и Толстой, Мопассан и Ибсен, Флобер <...> – вот единственные учителя психологии в наше время» [10, гл. 1].

Доктор педагогических наук (по психологии), профессор Б. М. Теплов утверждает, «что художественная литература содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология на новых путях, открывающихся сейчас перед ней» [9, с. 306].

Таким образом, видно, что философы и психологи уже давно высоко оценили возможности художественной литературы для решения психологических проблем. При этом метафизики В. Дильтей и С. Л. Франк видели в художественной литературе прямое описание психологических явлений, а Л. С. Выготский предостерегал психологов от полного передоверия писателям решения психологических задач [1, с. 435].

Метод Л. С. Выготского

В отличие от применявшихся ранее в психологии действий с художественными произведениями, которые сводились к исследованию либо автора, либо читателя (зрителя), Л. С. Выготский сосредоточен на самом тексте произведения. Он не ищет психологию в произведении, но через него хочет выявить те факторы, которые формируют отношение читателя (зрителя) к тексту. Он сравнивает положение психолога в этой ситуации с положением геолога, историка, юриста и т. п.

Л. С. Выготский не дает собственного названия методу своей исследовательской работы, а пользуется тем, которое ему «дал» психолог и философ Мюллер-Фрейенфельс – «объективно аналитический метод» [2, с. 38]. Через 40 лет доктор психологических наук, профессор А. Н. Леонтьев, глава советской психологической науки, говоря о книге Выготского «Психология искусства», охарактеризует этот метод теми же словами: «Избранный им метод является объективным, аналитическим» [7,

с. 7]. Сущность его метода изучения психологии искусства состоит не в том, чтобы исследовать авторов, зрителей и читателей, а в том, чтобы изучать художественное произведение [2, гл. I].

Художественную литературу, как прозаические, так и поэтические произведения, Л. С. Выготский широко использует и в своей главной и последней книге «Мышление и речь», хотя подход к художественным текстам в ней иной. В «Психологии искусства» ученый анализировал три отдельных представителя разных родов литературы, интересуясь главным образом структурой произведений и ее связью с их содержанием, влиянием формы на содержание. В «Мышлении и речи» у Выготского цель иная – найти в художественных текстах объяснение, аргументацию, свидетельства взаимосвязи мышления и речи, для чего ученым анализируются свыше 20 художественных произведений.

Программа Б. М. Теплова

Б. М. Теплов формулирует целую программу действий в направлении использования художественных произведений как научного метода. Независимо от Л. С. Выготского (его работы к тому времени еще не были опубликованы), подключение художественных произведений к решению психологических задач Б. М. Теплов называет методом. Теплов пишет: «Анализ художественной литературы обычно не указывается в числе методов психологического исследования. И фактически психологи этим методом не пользуются [9, с. 306].

Б. М. Теплов считает необходимым сделать предварительный шаг в этом направлении: «раньше, чем сочинять теорию плавания, <...> попробовать поплавать практически...» [9, с. 306].

Академик В. П. Зинченко очень высоко оценил результаты выполненного Тепловым анализа пушкинских произведений: «Заметки Б. М. Теплова богаты не только иллюстрациями. Их пафос – в преодолении узкой направленности личности (в том числе и ученой личности), в поиске оснований для ее целостного представительства в психологии» [4, с. 43]. Таким образом, по мнению Зинченко, Теплов сам осуществил тот предварительный шаг, о котором писал. На следующем этапе Б. М. Теплов предлагает решить, по его мнению, очень важные задачи: осуществить «развернутое доказательство» метода использования художественных текстов в психологической литературе; «установить принципы научно-психологического использования данных художественной литературы» [9, с. 106].

Серьезным научным исследованием в этом направлении являются неизвестная Б. М. Теплову книга Л. С. Выготского «Психология искусства» и написанные уже после смерти Теплова труды В. П. Зинченко, в которых разрабатывается идея

«поэтической антропологии». Ее предмет и задачи Зинченко определяет так: «Бытие в поэзии, бытие “всего человека”, бытие его чувства, фантазии, мысли, языка, его рождение, развитие, деградация, смерть, возрождение ... заслуживают внимания науки» [4, с. 49].

Можно считать, что книгой «Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили» В. П. Зинченко выполнен задачу, поставленную Б. М. Тепловым. Он практически доказал, что на самом деле использование художественных произведений работает в качестве научно-исследовательского метода в области психологии (как минимум). Как и в книге Л. С. Выготского «Мышление и речь», В. П. Зинченко ищет и находит решения психологических задач при помощи подсказок, тающихся в произведениях великих поэтов, среди которых А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев и А. А. Фет, И. Северянин и Вяч. Иванов, М. Цветаева и А. Ахматова, Б. Пастернак и Н. Гумилев, О. Мандельштам и И. Бродский и многие др.

Первая задача Б. М. Теплова

Первое требование к научному методу состоит в том, что он должен обеспечить или помочь открытию «новых знаний и методов решения задач в рамках любой науки» [8, с. 82]. В свете этого требования возникает вопрос: является ли использование художественных текстов научным методом? (Помогает ли ученому художественная литература находить новые знания?) Научная литература по психологии в состоянии ответить на этот вопрос положительно. Об этом свидетельствует то, что художественная литература использовалась:

- для научных открытий – археологические находки подсказывали Библия, книги Гомера, «Слово о полку Игореве» и др.;
- научной разведки психологической проблемы, например, «времени личности» К. А. Абульхановой-Славской и Т. Н. Березиной;
- доказательства научной мысли – у А. Н. Леонтьева, Л. С. Выготского, В. П. Зинченко и др.;
- доказательства ошибочности научной мысли – у В. М. Аллахвердова и др.

Второе требование к научному методу: «Эмпирический метод познания представляет собой специализированную форму практики, тесно связанную с экспериментом» [8, с. 82]. Следовательно, вопрос сводится к тому, являются ли художественные тексты наблюдениями или экспериментами. Л. С. Выготский, сравнивая свой анализ художественных произведений в книге «Психология искусства» с обычным экспериментом, писал: «Объективно-аналитический метод близок, таким образом, к эксперименту. <...> Сходство с экспериментом сводится к тому, что и в нем мы имеем

искусственную комбинацию явлений, в которой действие определенного закона должно проявиться в наиболее чистом виде; это есть как бы ловушка для природы, анализ в действии... Каждое лирическое стихотворение есть такой эксперимент» [1, с. 406].

Характеризуя свой метод анализа художественных произведений, Л. С. Выготский формулирует следующие его особенности: «1) аналитический метод направлен на познание реальностей и стремится к той же цели, что и индукция; 2) аналитический метод изучает факты и приводит к знанию, имеющему достоверность факта; 3) аналитический метод есть особый случай опытного познания, то есть фактического познания, по Юму; 4) аналитический метод, опираясь на изученные и обобщенные прежде факты, через изучение новых единичных фактов приводит в конце концов к новым относительным фактическим обобщениям, имеющим границы, степени приложимости, ограничения и даже исключения» [1, с. 408].

Третье требование к научному методу: Для объяснения наблюдаемых фактов выдвигаются гипотезы и строятся теории, на основании которых формулируются выводы и предположения. Полученные прогнозы проверяются экспериментом или сбором новых фактов [8]. Примерами, удостоверяющими такие возможности, являются уже первые работы, выполненные на основе этого метода. Л. С. Выготский, говоря об анализе художественных произведений для книги «Психология искусства», утверждал, что «задача анализа – вскрыть лежащий в основе природного эксперимента закон» [1, с. 406]. Содержание проблемы Выготский видел в том, чтобы «...теоретическая и прикладная психология искусства вскрыла все те механизмы, которые движут искусством» [2, предисловие]. Гипотезой для его книги «Психология искусства» послужило высказывание Шиллера: «настоящая тайна искусства мастера заключается в том, чтобы формой уничтожить содержание» [2, гл. IX].

В результате анализа художественных произведений Выготский пришел к выводу: «Найденная нами противоположность в строении художественной формы и содержания и есть основа катартического действия эстетической реакции. Здесь в форме эстетического закона выражено то верное наблюдение, что всякое произведение искусства таит внутренний разлад между содержанием и формой и что именно формой достигает художник того эффекта, что содержание уничтожается, как бы погашается» [2, с. 270]. Аргументом в защиту этого положения является факт его использования литературоведами.

Четвертое требование: «Важной стороной научного метода, его неотъемлемой частью для любой науки, является требование объективности,

исключающее субъективное толкование результатов» [8]. Ответ на это требование также обнаруживается у Выготского: «Этот метод гарантирует нам и достаточную объективность получаемых результатов и всей системы исследования, потому что он исходит всякий раз из изучения твердых, объективно существующих и учитываемых фактов» [2, с. 39]. Объективность метода обеспечена тем, что классические художественные тексты не создавались в чьих бы то ни было корыстных интересах, они не ангажированы, главный принцип классической художественной литературы – требование правды, правды искусства. Художественные факты изменить, даже в угоду исследователю, невозможно.

Таким образом, использование художественных текстов в научных целях вполне соответствует требованиям, предъявляемым к научному методу. Так решается первая задача, поставленная Тепловым.

Вторая задача Б. М. Теплова

Вторая задача: «установить принципы научно-психологического использования данных художественной литературы» [9, с. 306]. Она решается в книге философа Карла Юнга «Феномен духа в искусстве и науке», где автор провел границы взаимодействия искусства и психологии, указав на две крайние возможности литературного произведения в его отношении к психологии. Юнг подтверждает, что психолог «имеет в качестве своего материала такое содержание, которое движется в пределах досягаемости человеческого сознания, как-то: жизненный опыт, определенное потрясение, страстное переживание, вообще человеческую судьбу, как ее может постигнуть или хотя бы прочувствовать обычное сознание. Этот материал воспринимается душой поэта, поднимается из сферы повседневности к вершинам его переживания и так оформляется, что вещи сами по себе привычные, воспринимаемые лишь глухо или неохотно и в силу этого также избегаемые или упускаемые из виду, убеждающей силой художественной экспрессии, оказываются перемещенными в самый освещенный пункт читательского сознания и побуждают читателя к большей ясности и более последовательной человечности... Поэт уже выполнил за психолога всю работу» [11, с. 127]. Мыслью Юнга руководствовался, в частности, В. П. Зинченко, работая над книгой «Посох Осипа Манделштама и Трубка Мамардашвили», взяв поэта Манделштама в качестве поводыря по стране Психологии.

Выводы В. П. Зинченко

Академик Зинченко увидел целый ряд преимуществ поэзии перед наукой, которые может использовать

психология: «поэзия, – по-видимому, самый совершенный орган или орган языка – средство саморазвития и самопознания человека» [4, с. 77].

1. Прежде всего, поэзия – в отличие от науки – порождает живое знание, сохраняет мир цельным, постоянно напоминая «науке о существовании целостного, неосколочного мира», в то время как наука «расчленяет, анатомирует, дробит мир на мелкие осколки, которые не склеиваются, не komponуются в целостную картину» [5, с. 38–39].

2. Далее В. П. Зинченко полагает, что поэзия точнее, правильнее, чем наука, раскрывает психологические секреты. И потому к ней нужно более чутко и внимательно прислушиваться [6, с. 20].

3. Язык души близок языку искусства. Между душой и абсолютном поэзия является посредником, не только понимающим, но и создающим язык души: «Приблизиться к пониманию души пока удастся лишь литературе и искусству. Возможно, это удастся и науке, если она извлечет накопленный ими опыт» [6, с. 363].

4. Поэзия раньше науки проникла в тайны мироздания, например, в отдельные измерения пространства и времени. «Поэзия и искусство преподают поучительные уроки науке, предвосхищают ее будущие результаты и помогают осмыслить уже имеющиеся» [6, с. 117]. Подтверждением служат стихи Элиота, Блока, Рильке, Ахматовой и др. [6, с. 123, 126–128]. «В деле превращения неживой материи в живую искусство намного (если не навсегда) опередило науку, которая все еще пытается синтезировать живое вещество» [4, с. 24].

5. «Поэтические символические формы долговечнее логических, в них имеется чистый, незамутненный смысл... Поэзия не прямо соотносится с действительностью, хотя проникает в нее... прежде и порой глубже, чем наука» [6, с. 39].

6. Поэтические формулы не менее строги, чем формулы математические, и таят в себе семена научных теорий, в том числе (и прежде всего) психологических. Их создание требует не меньшего таланта: работа со словом столь же трудна, как и с числом [6, с. 69]; «...поэтические формулы стоят формул математических» [6, с. 155].

7. В. П. Зинченко видит в поэзии, в отличие от науки, пророческие возможности и утверждает, что «слишком многое из провидческого в искусстве задним числом подтверждалось» [6, с. 250]. В качестве аргументов он приводит целый ряд отрывков из произведений А. Ахматовой, М. Булгакова, О. Манделштама, В. Набокова, И. Бродского. Поэты предвидят будущее – уверен Зинченко [6, с. 370–371].

Ученому представляется, что наука и поэзия идут друг другу навстречу: «наука, пребывая в дольном мире, стремится к горнему; поэзия, пребывая в горнем мире, стремится к дольному <...> Естест-

венно, что стремление и его реализация не совпадают. Бывает, что и наука лишь ползает по земле, а поэзия лишь витает в облаках. Бывают и счастливые встречи науки с поэзией в экс-территориальном пространстве смысла, в 5-м измерении бытия. <...> Иногда встречи случаются в одном лице. Это бывает даже не в каждом столетии» [4, с. 87].

Особенно много и часто В. П. Зинченко берет в советчики, консультанты, поводыри поэта Осипа Мандельштама. Поэт в «Разговоре о Данте» предложил образ многоступенчатой ракеты, ступени которой конструируются не на земле, а по ходу полета. Эта метафора натолкнула ученого на размышление о проблеме развития и саморазвития человека.

В. П. Зинченко заменяет понятие «поэтической материи» понятием «психологической реальности». В результате получается образ саморазвития человека, пронизанный духовной вертикалью» [4, с. 149]. Многоступенчатую ракету как метафору развития человека видит В. П. Зинченко и в стихах М. Волошина («Наш дух – междупланетная ракета»).

У Мандельштама ученый В. П. Зинченко находит (более точные, чем у философов) подсказки про то, что такое свобода для человека, для личности: «что истинная свобода – это свобода выбора, свобода добытая, завоеванная, свобода как сущность всей жизни; что для того, чтобы быть свободным, нужно сделать, или хотя бы собрать, найти себя; что свобода – это не вольница, не ярость толпы, свободен тот, у кого на это хватает мужества, души, духа; что быть свободным – нормально и весело; что свобода – сама закон» [4, с. 71–72].

При помощи О. Мандельштама В. П. Зинченко решает вопросы терминологии, важные для каждой науки. Основную клеточку развития Зинченко называет узлом развития. Это название заимствовано им из строчки О. Мандельштама: «Узел жизни, в котором мы узаны и развязаны для бытия». «Здесь удивительно точно характеризуется ситуация развития, которая представляет собой не только завязывание узлов, но и их развязывание. Последнее не менее важно и порой представляет собой значительно большие трудности. Невозможность развязать узел нередко означает конец развития, а то и смерть. Трудности же в развязывании жизненных узлов сопровождаются духовными кризисами роста и развития» [4, с. 148–149].

Поэт О. Мандельштам не только подсказывает ученому идею развития человеческой личности, основные этапы ее становления, характерные особенности процесса, но и важнейшие понятия, при помощи которых описывается процесс развития (узел развития, завязывание и развязывание узлов, обратимость и обращаемость, вертикаль развития). При этом ученый дает высокую оценку этой терминологии, указывая на ее достоинства: «Он мас-

терски представляет понятия в образах, чем не только преодолевает недостаточность научного языка, но и расширяет объем понятий, порой трансформирует их, освещает с другой неожиданной стороны. Он как бы впрессовывает научные понятия в лирику. Поэтому цитаты О. Мандельштама в настоящем тексте достраивают бедный научный язык» [4, с. 166].

В. П. Зинченко часто не просто пользуется выражениями О. Мандельштама как терминами, но на их основе создает новые словообразования и словосочетания. Так, например, он объясняет использование выражения «ковровая ткань»: «В метафоре ковровой ткани содержится больше, чем просто характеристика “внешнего лика” сознания, она предполагает анализ его структуры» [6, с. 106]. И на основе этой метафоры он создает свои понятия: «орнамент ткани сознания», «сознание... имеет многослойное строение», «языки мыслительной ткани», «ткань переживаний», «ткани социальных отношений и ткани живого человеческого опыта», «из глубины проступают строфичные орнаменты» и т. д. [6, с. 105–107].

При помощи художественных произведений В. П. Зинченко обнаруживает, что науке психологии неведомо о двойной памяти – памяти создающей и памяти разрушающей жизнь, а также различие памяти святой и просто воспоминаний, о чем поведал поэт Вячеслав Иванов в поэме «Деревья» [4, с. 45]. Созидующую память ученый обнаруживает и в стихах А. Белого «Воспоминание» [4, с. 46]. Одну из этих разновидностей памяти – разрушительную – узнает ученый в ностальгических воспоминаниях В. Набокова «Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье» [4, с. 46].

Самые разнообразные находки делает В. П. Зинченко и у других поэтов, как русских, так и зарубежных: А. Блока и М. Цветаевой, А. Ахматовой и Б. Пастернака, Велимира Хлебникова и Н. Гумилева, В. Маяковского и С. Есенина, Петровых и Заболоцкого, Рильке и Элиота, И. Бродского и многих др.

* * *

Использование художественных текстов может считаться научным методом, пригодным для исследования гуманитарных проблем, в частности психологических, поскольку отвечает всем требованиям, предъявляемым наукознанием к научному методу:

- при его помощи можно получать новые знания;
- он представляет собой разновидность эксперимента или наблюдения (самонаблюдения);
- используя его, можно выстроить новую гипотезу или теорию, которая может быть проверена;
- обеспечивается соблюдение объективности, исключающее субъективное толкование фактов.

Метод создает условия для решения сложных психологических задач. Возможность его применения подтверждает научную ценность классической художественной литературы для креативного читателя. Она выражается в разных аспектах: в художественных текстах ученые находят подсказки, наводящие на мысль; художественные тексты способны служить аргументами при доказательстве научных идей; в них содержатся сведения о фактах, которые еще не были известны науке и которые науке предстоит разгадать и объяснить; своими метафорами поэты могут подсказать научные термины, на основе которых возможно формирование целых терминологических гнезд; в значительной степени благодаря художественной литературе психология возвращает себе понятия духа, души, духовности.

Важность художественной литературы для исследовательской работы подчеркивает отличительную особенность креативного читателя и креативного типа чтения. Осознание факта ценности художественной литературы для науки читателеведением, библиотековедением, библиографоведением и библиотечно-библиографической практикой, а через них – читателями, повысит авторитет чтения художественной литературы молодежью, особенно, что очень важно, одаренной, креативной молодежью.

Литература

1. *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 1. – С. 292–437.
2. *Выготский Л. С.* Психология искусства. – Изд. 3-е. – М. : Искусство, 1986. – 573 с.
3. *Дильтей В.* Описательная психология. – М., 1996. – 160 с.
4. *Зинченко В. П.* Посох Осипа Манделъштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М. : Новая шк., 1997. – 336 с.
5. *Зинченко В. П.* Психологические основы педагогики. (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова) : учеб. пособие. – М. : Гардарики, 2002. – 431 с.
6. *Зинченко В. П.* Сознание и творческий акт. – М. : Яз. славян. культур. – 2010. – 592 с.
7. *Леонтьев А. Н.* Вступительная статья к книге Л. С. Выготского «Психология искусства» // Психология искусства / Л. С. Выготский. – Изд. 3-е. – М., 1986. – С. 5–13.
8. *Саврушева М.* Философия науки и техники : учеб. пособие для магистрантов. – Омск, 2013. – 120 с.
9. *Теплов Б. М.* Заметки психолога при чтении художественной литературы // Избранные труды. – М. : 1985. – Т. 1. – С. 306–312.
10. *Франк С. Л.* Душа человека: опыт введения в философскую психологию // Предмет знания. Душа человека / С. Л. Франк. – Минск ; М., 2000. – С. 631–990.
11. *Юнг К. Г.* Феномен духа в искусстве и науке // Собрание сочинений. – М., 1992. – Т. 15. – С. 127.

Материал поступил в редакцию 17.10.2014 г.

Сведения об авторе: *Серебряная Мария Яковлевна* – кандидат педагогических наук,
e-mail: miri.srebro@gmail.com